

The background of the entire page is a dramatic, dark teal-toned image. The top half shows a turbulent, stormy sea with white-capped waves crashing against a dark, overcast sky. The bottom half shows a small, wooden boat with several people inside, struggling to navigate through the rough, churning water. The overall mood is one of adversity and perseverance.

Вадим Векслер

4 шага на пути к завершенности

Вадим Векслер

4 шага на пути к завершенности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30081520

SelfPub; 2018

Аннотация

Чтобы жизнь человека состоялась, стала настоящей судьбой, а не очередной безликой биографией, он обязан совершить несколько решительных поступков, выбрасывающих из зоны комфорта и ломающих привычную событийную канву. Причем, люди и жизни могут быть разные, но судьба всегда одна.

Шаг первый: отречение.

Черная лента

3

Марк повзрослел рано. Ему не было и четырех, как он лишился матери. Осиротеть наполовину в таком нежном возрасте – значит без прикрас увидеть и понять мир на уровне, почти исключаящем детскую наивность.

От матери остались только данное имя евангелиста (она со всей врожденной деревенской простотой отличалась набожностью и видела сына будущим священником или, на худой конец, подвижником) и длинная черная лента. У Марка же сохранилось лишь одно воспоминание: как он упал, зацепившись за камень, и разбил в кровь коленку, а испуганная мать с болезненно-бледным лицом выдернула черную ленту из волос и туго перебинтовала ссадину. Следующей памятной сценой уже стали дождливые похороны, а та мягкая, ласковая лента превратилась в наплечную траурную повязку.

Отец Марка, угрюмый двухметровый титан с перебитым носом, горевал недолго и с головой ушел в работу. Он держал кабак в подвале покосившегося дома на одной из значных улиц нищего портового городка. Убогая обстановка заведения лишь усугубляла желание поскорее сбежать от реальности. Посетители видели сквозь темно-синие клубы едкого табачного дыма только облупившуюся желтую краску

на стенах и пыльные ботинки прохожих за узкими окнами под потолком. Из завсегдаев – работники верфи и фабричные. Они часто дрались друг с другом стенка на стенку или, объединившись, поколачивали пришлых моряков за фривольную наглость и отглаженную выходную форму, на которую так падки подвыпившие дамы. В такие минуты отец обычно лишь сурово молчал, невозмутимо взирая из-за барной стойки за происходящим, вмешиваясь и разнимая, только когда потасовка грозила перейти в поножовщину. Слушались его беспрекословно и понуро расходились по домам. Отец сам оставался мыть загаженный пол и возился, зачастую, до утра. Работал он без выходных и праздников. Изодня в день, год за годом. Ни с кем не общался, кроме посетителей. Нигде не бывал, кроме рынка, когда приходила пора запастись выпивкой и нехитрой снедью на закуску. Таким его и запомнили: подпирающим лысой головой низкий потолок, с непроницаемым лицом считающим выручку и разливающим по мутным бокалам бледно-желтое кисловатое пиво и терпкий пурпурный портвейн. Он никогда не видел море.

Казалось бы, такая странная деталь биографии почти невероятна для жителя порта. И если б нашелся смельчак, что осмелился пристать с расспросами к такому не особо приветливому молчуну, какое правдоподобное объяснение мог бы он услышать в ответ? Морская болезнь? Но ее надо осознать и пережить на борту, уже попав во власть стихии. Вызывающий отвращение запах гниющих водорослей?

Какие-то древние мистические страхи? Быть может, забытая или загнанная в подсознание детская психическая травма? Кто знает? Да и вряд ли можно вообразить такое оправдание, что полностью удовлетворит и охладит подобное любопытство.

6

Марку шесть лет. Он давно уже не спрашивает, где мама. У отца нет лишних денег на сиделку, и сын целыми днями торчит в баре: бегаёт босиком от стола к столу и вслушивается в нехитрые пьяные разговоры. Бойко выпрашивает раздобревших матросов, что такое море. Те говорят о безбрежности и штиле; о штормах и девятом вале. Марк пугается и жмется к отцу. Уже за полночь, отправляя сына спать, тот успокаивает: «Не верь ты этим рассказням. Кому оно нужно, это море? Вот вырастешь, будешь отцу помогать, потом к тебе всё перейдет, богатым станешь». Ночью Марку снится море. Липкий кошмар: у моря много щупалец и раскрытая пасть.

Утром Марк, наскоро накинув длинную поношенную рубаху и крепко подпоясавшись черной лентой как кушаком, тайком выбирается наружу. Не зная точной дороги, он интуитивно выбирает верное направление – вниз по узенькой, почти безлюдной в ранний час улице. Все дороги вниз рано или поздно приводят к морю. Марк впервые уходит так далеко от дома один. Страшные, опасные вещи одновременно и неодо-

лимо манят и безжалостно отталкивают. Мальчик спускается по извилистой улице в направлении порта на негнущихся ногах. Чем интенсивнее пугающие соленые запахи, непривычные резкие звуки, тем сильнее кружится голова и сбивается дыхание. И вот, лишь пару минут спустя, не в силах сделать шаг, Марк замирает, совсем не может пошевелиться несколько секунд, а потом просто садится, почти валится на прохладный камень мостовой и тихонько, про себя, рыдает.

12

Марку двенадцать. Легкая болезненная бледность не компенсирует акселерацию в физическом развитии: выглядит старше своих лет. Он уже давно пристроен отцом в качестве бесплатной услуги: протирает пол шваброй и даже принимает заказы. Прячет чаевые: копит на модные остроносые ботинки. Расстриженный священник из завсегдатаев под настроение учит Марка грамоте. На школу нет времени – отец подбрасывает всё новую работу. Всех развлечений: глазеть на драки да слушать пьяный треп незнакомых людей. Завсегдатаи уже давно успели рассказать всю свою подноготную, и даже больше: о некоторых вещах, извлекаемых на свет божий только по пьяной лавочке, лучше вообще не знать: и сон крепче, и представление о людской природе не настолько циничное. Именно поэтому новые лица привлекают гораздо больше внимания, и Марк вслушивается в разговор двух аймара в поношенных пончо.

– Отплытие через полтора часа, – это молодой.

– Ты стал совсем взрослым, Пабло. И уходишь в свое плавание. Свидимся ли мы еще? Будущее слишком туманно. Я не вижу тебя старым, – глухо, но вполне отчетливо выдавливает старик.

Марк привычно нацепляет на лицо скучающее безразличное выражение, и, расслаблено орудуя старой метлой, обмотанной поблекшей лентой, плавно приближается к их столу.

– Ты хочешь меня остановить? Ты считаешь, что я предаю тебя?

Старик легко отмахивается:

– Ни на секунду такая чушь не проскользнула б в мою седую голову. Запомни, сын. Мы пытаемся застраховать отношения понятием «верность» и угрожаем страшным словом «предательство». Но человек – это горный поток, он меняется ежесекундно. Сегодня ты другой, нежели был вчера. Поэтому гарантий никто давать не может, да и не имеет морального права. Человек каждым своим шагом, каждым выбором кого-нибудь предает.

Аборигены – редкое зрелище в захудалом баре и Марк жадно глотает каждое слово, не вполне улавливая смысл сказанного, но легко принимая туманные изречения за мудрое и чуть не мистическое откровение.

– Поверь мне, я вернусь, как только найду себя, – в голосе сына слышится уверенность человека, принявшего оконча-

тельное решение.

Старик отвечает размеренно и тихо; вкрадчивый голос, завораживая, струится в воздухе и почти осязаем:

– Каждое событие, малейшее действие, каждая мысль меняют человека. Жизнь – лабиринт, в котором ты каждый день делаешь тысячи поворотов – шагов. Поэтому вернуться назад невозможно. Для этого необходимо запомнить все повороты. А человеческая память слишком слаба. Да и пути назад нет. Прошлое просто уходит. Оно не оставляет зацепок. Мы сами тянем к нему руки, но схватываем лишь пустоту. Сегодня мы расстанемся навсегда.

Молодой теряется: не знает, что ответить; насуплено молчит.

Через пару минут они бесшумно поднимаются и уходят, не оставляя чаевых.

Закрывшись в темной подсобке тайком от отца, побледневший сверх всякой меры Марк впервые пробует портвейн и дымит украденной сигаретой. Он растерян и ожесточен. Он ненавидит море.

Марку восемнадцать: вымахал под два метра и раздался в плечах. Он отрачивает длинные волосы, перехватывая их выцветшей лентой, и не бреет щетину – пугает сходство с отцом. Тот, наконец, сколотил капитал и мечтает о расширении: присмотрел небольшой уютный ресторанчик в паре

кварталов. Бар собирается оставить сыну и поднимать новый бизнес. Марк почти готов: разбирается в бухгалтерии, усвоил азы психологии – годы практики научили читать по лицам в совершенстве. Зияют бреши только в базовых науках – помимо грамоты и арифметики так и не учился ничему. Расстриженный священник давно спился и теперь кормит червей на старом городском кладбище. Его дочурка, милая молодая девушка, подрабатывает в кабаке официанткой. Она влюблена в Марка и мечтает о воздушном ослепительно-белом свадебном платье.

Марк мечтает только об одном: избавиться от ночных кошмаров. Вздремнув после обеда, он снова видит море. Волны цвета портвейна разбиваются о каменистый берег. По колено в воде стоит старик аймара в промокшем пончо и зовет сына. Потом он медленно поворачивается к Марку и говорит: «Ты не утонешь, у тебя другая судьба».

В холодном поту Марк просыпается и слышит недовольные крики отца. От клиентов нет отбоя и ему снова нужна помощь.

Марк убирает зал и выходит с ведром помоев на задний двор. Море мрачным божеством занимает все его мысли и начинает сводить с ума. Решение приходит внезапно: божество нужно осквернить, и тогда пропадет вся его магическая, неодолимая сила.

Легче всего, практически невесомо, человек делает вещи кому-то или чему-то назло. Он быстро забывает о самом

важном: что взвешенность и продуманность – главные критерии для каждого серьезного поступка. Куда-то пропадает вся застенчивость, мнительность, нерешительность; перестают терзать сомнения; замысел приходит быстро, почти молниеносно, исполнение – ещё быстрее и ожесточеннее.

И вот мы уже видим Марка бодро вышагивающим по той самой, так и не пройденной до конца дороге. Гулко стуча каблуками остроносых ботинок по мостовой, он уверенно направляется в сторону пристани и невозмутимо несет с собой ведро, зловонное содержимое которого распугивает прохожих. Улица, поворот, ещё улица, вот она вливается в широкий проспект, последний поворот... и Марк выходит на причал. И впервые видит море...

Напряженная спина вдруг теряет свою упругость. Шквал свежих небывалых впечатлений перешивает восприятие. Ведро падает со звоном и разливает содержимое на деревянный настил.

Марк долго смотрит в сторону горизонта, приучая полуничие глаза к новой палитре красок, выдергивает из волос старую ленту и повязывает ее на поручень парапета, а потом медленно уходит по причалу вдаль, к самому большому кораблю на пристани, и увлеченно говорит о чем-то с его капитаном.

Шаг второй: становление.

Котёнок за пазухой (старая дзэнская притча)

На исходе дня он, наконец, одолел последний подъем. Молодое, такое привычно-надежное тело в разреженной атмосфере вдруг начало давать сбои, перестало слушаться, просило отдыха. Парнишка привалился к камню в изнеможении и попытался отдышаться, но усталость внезапно прошла. В лучах заходящего солнца он увидел согбенный силуэт в проеме рукотворной пещеры. Быстро вскочил на ноги и крикнул:

– Я искал тебя десять лет. Далеко же ты забрался, – хорошо, вроде бы, поставленный голос на последнем слове дал петуха, но не вызвал смущения. «Я просто сбил дыхание. Я не боюсь».

– Здесь в горах хорошо дышится. И дело себе нашел, – низкорослый, крепко сбитый мужичок подошел вплотную. – Дай взгляну на тебя. Да, ты похож на него. Те же брови, тот же взгляд.

– Не заговаривай мне зубы. Ты знаешь, зачем я пришел.

– Тебе нужна моя жизнь, – мужичок присел на выступ в скале, откинулся и с удовольствием медленно выдохнул. Было заметно, насколько он устал.

– Мне нужна справедливость. И месть! – парень начал метаться по площадке в опасной близости от обрыва.

Солнце зашло за гребень горы. Резко похолодало. В сумерках пещера стала похожей на распахнутый зев какой-то

исполинской птицы или древнего вымершего ящера.

– Твое право, – в полумраке мужчина почти слился со скалой. – Но прежде, чем ты это сделаешь, я хочу сказать, что не желал ему смерти. Это был несчастный случай.

– Ты изнасиловал мою мать и убил отца! – парень выхватил револьвер из кармана и навел на собеседника.

– Я любил ее, она любила меня. Твой отец узнал и напал на меня. Я защищался, – голос ровный, дыхание размеренное; ни попытки защититься, ни убежать.

– Это твои слова. У меня другая информация. Ладно, пора заканчивать этот пустой треп, – он нарочито небрежно махнул револьвером. – Будет последнее желание?

– Я охотно отдам тебе свою жизнь, не буду пытаться сбежать или напасть на тебя; позволь лишь закончить мою работу. В день, когда я завершу её – убей меня.

Молодой удивился:

– Редкостное мужество. И что ты делаешь, позволь полюбопытствовать?

– Десять лет я копаю тоннель в этих горах. Здесь только одна опасная тропа, где разбилось много путников. С помощью этого тоннеля я, быть может, спасу чью-нибудь жизнь.

Парень окинул взглядом окружающее пространство и кивнул:

– Хочешь вернуть долг?

– Да. Ты не сильно торопишься?

– Я очень долго ждал, но – изволь.

Казалось, что дождь никогда не закончится. Свинцовое небо низко навалилось, уже готово было забраться и в самую пещеру, придушить, лишить последней надежды на радостный солнечный луч.

Они сидели, прислонившись к стенам тоннеля, друг напротив друга в метре от выхода. Капли рикошетили от камней, обдавая лица освежающей прохладой.

Молодой, наконец, не выдержал:

– Люди говорили, ты монахом заделался?

– Ого, не прошло и месяца – ты заговорил. Я думал, ты принял обет молчания, – немного насмешливо и прямо в глаза.

– Мне не о чем говорить с убийцей моего отца, – закрыв глаза и отвернувшись.

– Еще тебе не нравится, что я монах?

– Зачем уходить от жизни, когда ты еще молод и полон сил? Если только – замаливать грехи?

Тот в ответ усмехнулся, вышел под дождь и встал в паре метров от проема, заложив руки за спину:

– Ты так молод, но уже знаешь, что такое настоящая жизнь? Хорошо, я расскажу тебе историю, которая случилась с моим учителем. Быть может, она немного прояснит... На холме стоял храм. Там жило несколько монахов – никто их не считал; они себя – тоже. Проезжала мимо компания

молодежи. Застигнутые дождем, они попросились переночевать в храме. Монахи их впустили, обогрели, накормили и оставили. Поздно уже вечером две девчонки из компании допили припасенное вино, и одна на спор решила молодого монаха совратить. Пробралась в его келью, без предисловий разделась, уверенно полезла к нему под рясу, и при этом спрашивает: «Ну что, чувствуешь, как настоящая жизнь в тебе закипает?» Тот, ничего не говоря, двумя ладонями легонечко сжал ее виски и в глаза посмотрел. Долго так, пристально. Не знает никто, что она там увидела, в глазах его, или даже не в глазах, а только рухнула она тут же на колени, зарыдала, запричитала: «Прости, прости, милый, дуру прости...» А тот ей в ответ: «Теперь ты почувствовала, осознала, как настоящая жизнь пробуждается внутри?»

Молодой немного оживился:

– Ну, и что ты хочешь сказать этой своей, не знаю... легендой?

Рассказчик вернулся в пещеру и присел так близко, что его лицо оказалось в паре сантиметров от глаз собеседника:

– Ты воспринимаешь жизнь каждую секунду. Но насколько ты можешь быть уверен, что она настоящая?

Тот невольно отстранился:

– Я понял, понял. Известная песня, мир – это иллюзия, а...

Монах неожиданно резко прервал:

– С миром всё в порядке! Сон разума, неосознанность

прямого восприятия превращают твою жизнь в иллюзию.

– Мою?

– А о чьей жизни мы сейчас говорим?

Молодой немного поник и призадумался.

Дождь закончился к утру.

3

Полуденное солнце плавало камни. Молодой, раздевшись по пояс, лежал на краю скалы, загорал. Монах, обливаясь потом, вывозил из тоннеля щебень на маленькой и плохонькой, скрежещущей и грозящей вот-вот развалиться тачке.

Парень, манерно поигрывая револьвером в руке, проявил интерес к труженику:

– Ты такой спокойный перед лицом смерти. Или надеешься у меня спящего оружие отобрать?

– Ты здесь уже три месяца. Хотел бы – отобрал, – отрезал мужчина, вытирая лоб рукавом поношенной рубахи.

– Это тебе твои медитации придают такую уверенность?

Монах слегка скривился, прервал работу, сел по-турецки рядом с парнишкой, прикрыл глаза и попытался ровным спокойным голосом объяснить. Давалось ему это нелегко:

– Человек спокоен, когда он следует своему пути. Человек начинает дергаться, когда срабатывает детектор ошибок, который называется совесть. Но, обычно, человек не осознает, что произошла какая-то ошибка, сбой системы, он просто испытывает неприятные ощущения от самой жизни. Так

возникает маета, как я это называю. У Экклезиаста – это «томление духа». Из такого нестерпимого состояния человек сразу пытается сбежать, не разобравшись толком в своих чувствах. Он находит выход в лихорадочных попытках развлечься и убить время любым доступным способом. На помощь приходят наркотики: алкоголь, никотин, что похуже. В общем, человек ищет удовольствий. Я называю это – суета. Может показаться, что маета порождает суету. Но в этом – главная ошибка, потому что суета – это и есть маета, это продолжение маеты, только в более активной форме. А человек этого не понимает, он думает, что развлечения и удовольствия его спасут. Но они не решают проблему, а только помогают на время отвлечься и забыть про нее. Потом силы у человека заканчиваются, эмоции угасают, и он снова возвращается в первоначальное состояние маеты, где копит силы и деньги для нового загула, нового витка суеты. Так у большинства людей и проходит вся жизнь.

Молодой немного смущенно убрал револьвер за спину.

– И как преодолеть маету?

– Всё не так просто, на это уходят годы; иногда – десятилетия. Но первоначально необходимо научиться четко осознавать, идентифицировать свои внутренние состояния, чтобы вовремя опознать наступление, нашествие маеты и не дать ей перерасти в суету. Тогда, и только тогда можно обрести спокойствие.

Свежий пушистый снег, переливаясь, радостно играл, преломляя лучи восходящего солнца. Под ногами чуть слышно хрустел, податливо создавая новые формы. Вход в тоннель завалило по пояс. В глубине прохода мелькали тени и лился пот.

– Давай помогу. Ты с этой глыбой один не справишься.

Слышен продолжительный скрежет, звук мелких шагов, затем грохот и облегченный стон:

– Уф! Хорошо, спасибо. Что, совесть замучила? За то время, что ты полеживал и не дергался, уже ребенка выносить и родить можно было.

– Ну, ни мне, ни тебе такая функция недоступна, да и не положена.

Монах усмехнулся.

– Устраняться тоже не вариант. Воспитывать и развивать – задача для каждого мужчины.

– Так, ладно, хватит триндеть, – молодой схватил небольшой камень и отбросил его к выходу. – Я хочу ускорить процесс. А то ты до конца времен можешь провозиться. Специально время тянешь?

Монах замер на секунду и медленно, отдельно произнес:

– Мне некуда торопиться, но я готов к смерти в любой момент.

– Вот! Опять этот пророческий тон! – помощник отправился за следующим камнем. – Неужели совсем не боишься?

– Нет, мне незачем бояться, – монах вывез на скрипящей тачке побежденный валун наружу и медленно распрямился, похрустывая суставами.

– Незачем? Это какая-то странная формулировка. Не хочешь прояснить?

– Я знаю истину, она освобождает меня от страха.

– Расскажи мне свою истину, – парень бросил в снег крупный камень и присел передохнуть.

Монах привалился рядом:

– Рассказать-то совсем не сложно, но так сразу её не поймешь. Если просто взять и всё вывалить, то получится вот что: представь, что ты несешь истину как умильного котенка за пазухой. Но когда хочешь его показать другим, поделиться радостью, то вдруг узнаёшь, что видишь его только ты один. Можешь описать его внешний вид окружающим или даже предложить потрогать, чтобы доказать, что он существует. Но люди скажут про то пушистое и теплое, что они ощутили: «это всего лишь свитер или меховая поддевка твоего пальто».

– А как увидеть котенка?

– Ха! Научиться видеть правильно!

Налетел порыв ветра, и с верхнего уступа скалы шмякнулся объемный ком мокрого снега прямо под ноги говорящим.

Монах поднялся:

– Пойдем под навес, а то зашибет.

Они спрятались в тоннеле.

– Так как это сделать? Как научиться видеть? – молодой не сдавался.

– Ну, для начала – попробовать избавиться от эго, – Мо-
нах немного осекся. – По крайнем мере научиться его кон-
тролировать: обуздать зверя, так сказать.

– И как эго связано с познанием истины?

– Эгоистичный человек – а это почти каждый человек –
обычно слишком уверен в своем уме и всезнайстве, он не
воспринимает информацию, расходящуюся с его убеждени-
ями или верованиями.

– Допустим. Но ты предлагаешь обуздать эго. Звучит
практически невыполнимо. И как такое вообще возможно? –
увлекшись, парень с жадностью уставился на учителя.

– Представь, что ты пилот самолета. Уже давно летишь,
тебе надо отойти и ты ставишь махину на автопилот. Но
когда возвращаешься – видишь, что самолет готов разбить-
ся о скалы. Ты хватаешь штурвал и резко выкручиваешь.
Понимаешь, что автопилот работает плохо и отключаешь
его. Дальше ведешь сам, внимательно. Но стоит на пару се-
кунд отвлечься, отвернуться, как незаметно автопилот снова
включается и пытается завернуть к ближайшей пивной или
табачной лавке. Ты дергаешь штурвал в противоположную
сторону, снова аккуратно и ровно ведешь самолет и вдруг
ощущаешь, что штурвал тебя не слушается, а тихо, незамет-
но так, снова начинает выворачивать на свой, особо прият-
ный маршрут. Ты понимаешь, что не можешь отключить ав-

топилот, и вынужден непрерывно с ним бороться.

– Каким образом?

– Не отвлекаться. Не выпускать штурвал из рук. Вообще никогда.

Молодой плеснул руками:

– Как я и сказал: звучит практически невыполнимо!

– Так кажется только сначала. Работать над собой нужно начинать плавно, постепенно, не рассчитывая на быстрые и поразительные результаты; тихо радоваться каждому малейшему сдвигу в желательную сторону и не терять присутствие духа.

5

Птицы пели о ранней весне. Потоки талого снега срывались со скал. Двое на фоне заката, у самого выхода из тоннеля, сели, наконец, отдохнуть и перекусить скудным подаванием от жителей ближайшей деревушки.

– Вот вы не верите в развитие цивилизации, прогресс, – бубнил с набитым ртом ученик. – А как же наука, достижения ученых, победа над смертельными болезнями, астрофизика, квантовая механика?

– Астрофизика и квантовая механика – это, конечно, чудесно, но... – запихнув в рот огромный кусок хлеба, учитель скомкал речь в почти нерасчленимое словесное месиво.

Ученик покраснел.

Монах прожевал и продолжил внятно и разборчиво:

– Современный человек, невзирая на достижения ученых, всё еще живет в тумане. Наука занимается изучением тумана. Можно сколь угодно долго выяснять в колбах и ретортах его химический состав, исследовать атомарную структуру, вскрывать этот атом, искать пресловутый бозон Хиггса, но всё это время ты будешь топтаться на одном месте в той же самой мгле, – учитель сделал небольшую паузу для переваривания информации. – Религия, в свою очередь, берет тебя за руку и, не спрашивая твоего согласия, не объясняя толком все свои нелепицы и противоречия, силком тащит сквозь туман в известном только ей направлении. Ты падаешь, разбиваешь в кровь колени, но тебе даже не дают немного перевести дух, постоянно пугая адскими муками и убеждая, что бежать необходимо непрерывно, как черная зазеркальная королева Алису: «Здесь нужно бежать со всех ног, только чтобы остаться на том же месте, а чтобы передвигаться, надо бежать вдвое быстрее».

– Тогда что такое философия?

В тоннель залетела маленькая пестрая птичка, уселась на выступ скалы и принялась чистить свои влажные перья.

– А философия – это соревнование: кто больше сможет этого тумана проглотить, тот и самый умный.

– Просто замечательно, – молодой начал незаметно для себя заводиться, – а искусство?

– Это вообще понятно. Это то, в каких позах и с каким настроением этот туман сношают, и как он изменяется вслед-

ствие этого.

– Зашибись! На всё есть ответ! – парень даже вскочил на ноги, ударившись головой о выступ скалы. – Ай! И неужели всё искусство такое?

– Там, где автор презентует *себя* – да. Случается, конечно, что творчество идет напрямую: из космоса, из каких-то непостижимых сфер, тогда мы имеем дело с шедеврами, в которых нет ничего от автора. Только такие монументы и остаются в истории, непокорные ни времени, ни людской молве. Они уже созданы не из тумана, – монах осторожно протянул узловатую ладонь в сторону птицы, почти дотронулся до нее, но всё же спугнул – пестрый комок легко упорхнул: сделал прощальный вираж и вылетел из тоннеля.

Ученик проследил взглядом траекторию полета птицы, а затем вернулся к теме беседы:

– А из чего они созданы, эти шедевры?

– Это скалы, которые возвышаются над верхней кромкой тумана. Если на них забраться – можно увидеть правду.

– А есть способ как-то избавиться от тумана? – парень замахал руками перед лицом, будто туман уже заполз в самую пещеру.

– Существуют определенные мировоззренческие системы – буддизм, даосизм, йога. Они учат, как разогнать туман, недалеко, на несколько метров, дальше невозможно. Но в этот момент ты увидишь свой путь – дорогу, по которой пойдешь ты сам.

– А если разогнать туман, он больше не вернется?

– Тут я вынужден тебя огорчить, – учитель немного погрузился, подумав о чем-то своем. – Он имеет свойство снова сгущаться, стоит тебе только зазеваться.

– Что же делать? – парень принялся метаться по тоннелю, не переставая вертеть руками как пропеллерами.

– Не отвлекаться и следовать по пути, который рано или поздно выведет тебя на вершину горы. А в горах, ясен свет, уже нет никакого тумана. Так что можешь перестать махать руками. Если тебя и окружает какая-то муть – это пелена перед глазами, имеющая внутреннюю природу – вследствие удара головой о камень, а не реальный внешний туман.

– Это я зарядку делаю, – смутился ученик. – Замерз.

6

В летнюю полночь в горах звезды особенно яркие. Мужчина устроил себе лежбище на свежем воздухе, развалился на спине, закинув руки за голову. Теперь вот восторженно смотрит на всеобъемное небо – никак не может уснуть.

– Учитель!

– Чего тебе? – сонный недовольный голос из пещеры.

– Вот вы всё рассказываете свои притчи. Завуалировано так, с полунамёками. Можете ответить прямо: в чем сущность дзэн? Как достичь просветления. Хватит смеяться, я же серьезно!

– Не даешь ты старику поспать. Хорошо, слушай. Ку-

бик Рубика был первоначально чистым и совершенным. Человек решил исследовать его и обнаружил, что можно перемещать разноцветные квадратики и разобрал его однотонные поверхности в пестрый хаос. Затем он решил испытать свой сильный и сверхбыстрый ум и попытался собрать кубик обратно. Сразу вернуть прежний вид не получилось и пришлось напрягать все извилины мозга, создавать сложные математические уравнения. В результате, достигнув предела своей гениальности, удалось человеку собрать этот непокорный кубик. И что же он увидел? Только то, что куб вернулся к первоначальному идеальному состоянию, и, по факту, вся человеческая работа была напрасной, так как она в мире ничего не изменила. Человек лишь доказал, что куб был совершенством с самого начала, и зарекся более его трогать. И потомкам своим завещал не прикасаться к нему. А если видел, что шаловливые ручонки его неразумного сынишки потянулись к кубику, тут же жестоко бил по пальцам с криком: «Ты всё испортишь, а потом не соберешь!» В этом основная идея дзэн: всё человеческое мышление на выходе приходит к выводу о бессмысленности и вредности человеческого мышления как главного источника ненужного, ничем не обоснованного страдания. Вот такая ловушка 22...

– Замкнутый, порочный круг? – понимающе хмыкнул собеседник.

– Да. В итоге, пытаясь постичь смысл жизни, человек узнаёт страшные истины мироздания и в страхе пытается

вернуться к неведению, невинности и чистоте младенческого восприятия жизни, еще не знакомого с эго, губительными желаниями и чрезмерными ненужными амбициями. Но сущность людской непоседливости в том, что каждый рано или поздно всё равно дорвется до кубика и начнет его разбирать. И только единицам удастся восстановить его первоначальное состояние.

– То есть сущность дзэн – не трогать кубик? – увлеченный ученик тем временем покинул лежанку, перебрался вплотную к пещере, поближе к голосу мастера, и принялся неосознанно скрежетать ногтями по поверхности камня над головой.

– Что за богомерзкие звуки? Я вижу – ты опять увлекся? Не суетись, привыкай воспринимать вещи спокойно.

– Хорошо, хорошо. Не отвлекайтесь! – Мужчина снова улегся и попытался не шевелиться.

Старик через пару секунд продолжил:

– Если человек не тронет кубик, значит он патологический кретин, и в этом его счастье. Если же ты полноценный человек разумный, ты обязательно его разберешь. Любопытство – в природе Homo Sapiens. Сущность учения дзэн лишь только в том, чтобы помочь бедолаге собрать его обратно.

– Прозвучало, будто бы собрать не кубик, а самого человека... Ой, я кажется начинаю...

Осеннее солнце степенно заходило за горный гребет. Но самый последний, прощальный луч успел пробить туннель насквозь: работа была завершена. Последний валун они сбросили с горы и увлеченно смотрели ему вслед. Затем тот, кто стал совсем седым, опустил на колени на самом краю обрыва.

– Ну вот и всё. Теперь можешь стрелять, – он не закрывал глаза: любовался на всполохи заката.

– Ты для моего удобства встал у края, чтобы труп далеко не тащить? – мужчина удивленно смотрел на старика, будто видел его впервые.

– Ты хорошо поработал сегодня и сильно устал.

– Ты что – серьезно? Прекрати, как я могу убить своего учителя? – монах присел рядом, и они еще долго смотрели за горизонт, пока не стало совсем темно.

Шаг третий: перерождение.

Маска для манекена

3

Он проснулся от наждачной жажды и не смог сообразить, где находится. Попытался встать с кровати, но охнул от резкой, сквозной головной боли и кулём обвалился на подушки.

– Лежи, сынок, не вставай, я дам тебе воды, – сухонькая старушка вынырнула из темноты, и протянула запотевшую глиняную кружку.

Он пил жадно и некрасиво, как животное после долгой погони, вылакал за пару секунд всё до дна и закашлялся. Морщинистая рука забрала кружку обратно в темноту.

– Где я? Что со мной? – язык не слушался, вышло бормотание.

– Ты не помнишь?

Он начал вспоминать и ужаснулся. Ни детства, ни юности. Самое раннее – недавний выход из комы в столичном госпитале. Врачи рассказали о передозировке. Его бездыханное и заблеванное тело выбросили у ворот больницы из ржавого кузова раздолбанного джипа, почти не снижая скорости. Ни денег, ни документов. В последний момент сердобольный дежурный доктор вытащил его с того света, невзирая на недовольный бубнеж медсестры о генетическом мусоре и ждущих внимания платных пациентах. Но эти несущественные детали вскрылись только через два месяца практического отсутствия в списках живых: после комы – долгое восстановление и болтливая сиделка.

И уже тогда – эта гулкая, давящая, страшная пустота: ни имени, ни прошлого, будто витринный манекен внезапно ожил, обрел сознание и вышел в большой мир на поиски приключений.

Из больницы он сбежал, едва почувствовав себя лучше. Скитался по пыльным, раскаленным летним пеклом улицам и случайно на доске объявлений на пожелтевшем листе с блеклой групповой фотографией увидел свое лицо. «Разыс-

квиваются за многочисленные преступления против режима и легитимной власти». Выбирался из города в панике, не разбирая дороги и шарахаясь от людей. Ушел в горы, визуальной недоступностью казавшиеся безопасными, отсекающими любую возможную погоню; через перевалы вышел на плато, необозримое и пустынное. Ноги сами несли его дальше и дальше, насколько хватало сил. Потом беспмятство.

Он не преминул про себя подивиться: снова выкарабкался, редкостная живучесть! Так где он оказался? Он огляделся: каменные стены без окон, дверь завешена пыльной циновкой, земляной пол, глиняный очаг с мигающими угольками...

– Вы спасли меня? – он повнимательней рассмотрел старушку: умиротворенное приятное лицо, седые волосы собраны в пучок; аккуратная, чистенькая, но довольно старая, заношенная простенькая одежда в традиционном деревенском стиле...

– Анхель бродил с альпаками и нашел тебя в двух часах пути от деревни. Он нес тебя на руках до дома, – голос немного встревоженный, но мерный и успокаивающий.

– Сколько я был без сознания? – он снова попытался подняться, но силы ещё не вернулись.

– Ты здесь четвертый день. Сначала был немного краше трупа. Не мог пошевелиться. Правда, несколько раз приходил в себя, просил воды, пил и снова засыпал. Сейчас ты выглядишь гораздо лучше.

– Спасибо за помощь. Если бы не вы...

Он ещё раз окинул взглядом помещение: такой естественный, суровый, но практичный минимализм был чем-то даже привлекателен.

– Вы здесь живете?

– Испокон веку, – старушка посмотрела с явным недоумением.

– Я ничего не помню, – бросил он и закрыл глаза.

2

Безжалостное солнце, наконец, зашло за горную гряду, откуда ретиво налетели островерхие тени, проглотившие долину за пару секунд. На деревню резко обрушился вечер, обещающий прохладу и умиротворение.

Давно облысевший, но статный и жилистый старик в выцветшем пончо загнал небольшое, понурое стадо альпак в аккуратный, просторный загон, легонько пнув последнюю, неуступчивую по седалищу. Затем закрыл за скотом широкие ворота из нескольких перекрещенных узких бревен, сделал было шаг в сторону своей хижины, но передумал, развернулся и подошел вразвалочку к веранде соседнего дома, где на инвалидной коляске шевелилась груда тряпья.

– Всё мерзнешь, Хесус? – он остановился напротив веранды и уперся длинным узловатым посохом в ссохшуюся землю.

Из тряпок показалось сморщенное личико и окинуло пас-

туха хитрым и бойким взглядом.

– Двигаюсь мало, вот и зябко. Думаю, может бегом заняться? Составишь мне компанию, Анхель? – груда тряпья затряслась, послышалось хихиканье.

– Самое время на втором веку жизни заняться спортом.

– Никогда не поздно попробовать что-нибудь новое...

И вмиг посерьезневшим голосом после секундной паузы:

– Как пустыня?

Налетел резкий порыв ветра, поднявший небольшую пыльную бурю, но невысоко – до уровня колен.

– Наступает. Полдня трачу, чтоб альпакам корм найти, – Анхель парой скользящих движений ладонью отряхнул пончо от прилипшего песка и тонких засохших травинок.

– А я полдня молился Христу, потом Магомету, еще Будде, затем бил два часа в бубен своего прадеда – шамана. Дождя просил.

– А в бубен-то зачем?

Из куля раздался смешок:

– Думаю, излишним будет. Две тысячи лет предки били – а тоже люди не все, небось, дурные.

Анхель присел на ступеньку веранды и достал из-за пазухи холщевый мешочек с высушенными листьями коки.

– Что – вода? На наш век хватит, – он закинул в рот небольшой листочек. – Хотя, ты, наверное, себе два отмерил?

– Нам, может, и хватит, – из тряпок показалась костлявая

рука и с неожиданной резвостью метнулась к мешочку Анхеля, – а потомкам?

– Какие потомки? Одни старики в деревне.

Оба погрустнили.

– Терять надежду тоже не резон, – голос Хесуса обрел уверенность. – Есть у меня странное предчувствие, что всё со временем наладится.

Они долго еще сидели и молчали, неторопливо, но сосредоточенно пережевывая листья из бездонного, как оказалось, мешочка. Затем Хесус резво откатил свою коляску в хижину и начал заваривать мате в небольшом керамическом чайничке с причудливым узором.

– Гостю-то своему молодому не рассказал? – крикнул он из дома, доставая две изогнутые трубочки.

– Сам вспомнить должен, – Анхель неспешно поднялся и зашел в хижину, привлеченный бурчащим на огне чайником. – Отведу завтра утром в мастерскую.

1

Мастерская стояла немного в стороне от деревни. Парень шел медленно, слегка покачивался. Анхель придерживал его за плечо. Сама постройка смотрелась гораздо более основательно, нежели остальные хижины, и выглядела заботливо ухоженной.

На пороге старик угрюмо и торжественно разъяснил, что они входят в храм, и вести себя нужно соответственно: ника-

ких лишних разговоров и непонятных резких телодвижений. Внутри здоровенная печь топилась по-черному, они уселись на шкуры в клубах дыма. Анхель пересыпал парню в ладонь горсть сушеных листьев коки и начал возиться с глиняной заготовкой. Тот принялся жевать и сквозь едкий дым успел рассмотреть готовые маски на полках вдоль стен, когда в часовню вошел низенький дед с причудливым струнным инструментом в руках. Он сел у стены напротив, закрыл глаза и начал выводить унылую мелодию, убаюкивающую и плавно погружающую в подобие транса. Внезапно к этой гипнотической древней теме подключились ударные с однообразным повторяющимся ритмом, доносящимся из темного угла мастерской: там почти невидимым замер ещё один старик, двигались только его ладони, мерно выстукивая по глади небольшого сдвоенного барабана.

Зачарованный, гость решил получше рассмотреть маски на стенах, но вместо них увидел удивительных, неизвестных науке животных, устрашающих аляповатых демонов и суровых духов с пустыми глазами. На миг даже показалось, что они начали двигаться, пытаясь что-то ему... тут Анхель дернул его за рукав и парень вперился взглядом в заготовку. Девять резких отточенных движений и брусок глины превратился в лицо. Грубое, без различимых черт, но, отчетливо, – лицо. Затем тонкие пальцы жестко раздавили свою работу и медленно, плавно повторили те же девять движений. И парень уже знал, как сделать лицо. А затем началась мистерия.

Словно из небытия, из вечности под руками старика начал проступать облик не то демона, может быть древнего бога: жуткий и странный, но не страшный, наоборот, веселый какой-то ехидной усмешкой и невероятно колючим взглядом, пронзающим насквозь и всё о тебе уже знающим. Будто демон давным-давно играет с твоей душой в загадочную игру с неизвестными правилами, в такую игру, где демон не может уступить, так как он и есть твоя судьба, незыблемая и определенная.

Старик опустил палец в баночку с краской и нанес на поверхность заготовки несколько линий. Гость взглянул на маску, пытаясь рассмотреть получившийся узор: тот показался ему поначалу хаотичным и непонятным. Но только он начал улавливать какую-то закономерность в случайном распределении линий, только его ум дотянулся до глубоко запрятанного внутри образа, мастер уже бережно поместил демона в печь для обжига, а парень нервно сжал виски, пытаясь поймать ускользающее «я»...

0

– Теперь ты, – Анхель передал мне брусок глины.

– Но я не умею... – я ещё пытался возражать, но руки сами уверенно схватили заготовку.

– Ты умеешь.

Я почему-то поверил ему на слово:

– Мне тоже лепить какого-нибудь демона или духа?

– Ты знаешь, что ты должен воссоздать.

Я догадался и начал работу. Пальцы, казалось, сами понимали, что им делать: погружались в мягкую, податливую глину, меняли форму, привычно рассчитывая трехмерность объема. Я ощупывал свой лоб, скулы и воссоздавал, не ощущая времени. Музыка не прекращалась, только ускоряла темп. Огонь разгорался ярче, тени играли на стенах...

Я бережно провел пальцами по своему глиняному лицу и внезапно вспомнил своё имя. А затем я вспомнил всё.

Вспомнил первый решительный шаг. Когда я был очень молод, горяч и непоседлив. Бросил родителей, унылую деревню с бесконечно повторяющимся однообразным днем; ушел в большой город в поисках новых ощущений и настоящей, достойной меня жизни. Встретил группу таких же молодых и порывистых людей. Те хотели справедливости. И я тоже захотел. Или поверил, что захотел. В любом случае, было что-то во мне, что ожидало от будущего размаха и подвига. И в итоге я влюбился. В очень странную женщину. Её звали Революция. Она требовала от меня слишком многого. Она требовала не быть... Не быть, но становиться; не жить, но умереть. Превратиться в факел, указывающий путь друзьям и сжигающий врагов. Она вела к своей победе и моей смерти.

Но в итоге всё вышло наоборот: она умерла, а мне по-

везло. И когда я остался без нее в большом городе в кругу горстки оборванцев, озлобленных и объявленных вне закона, и меня уже начинало наизнанку выворачивать от таких родных и привычных, но всё ещё пламенных, осточертевших лиц борцов с режимом, я отчаялся и потерял надежду. Но организм уже привык к острым ощущениям, и я нашел суррогаты: стал пить и нюхать белый порошок из листьев коки. Я был сломлен, я стал никем. В таком виде меня и подбросили в больницу – я уже был почти овощем.

Развернувшаяся за несколько секунд в памяти история всей жизни заставила содрогнуться, но не пожалеть: через определенные вещи ты должен пройти, чтобы судьба считалась состоявшейся.

1

Пасмурное небо совсем низко зависло над старой хижинной и, казалось, вот-вот продавит дырявый навес над покосившейся верандой. Два старика, видимо, совсем не боялись обрушения: спокойно сидели под ненадежной крышей, тихо и размеренно беседовали.

– Что это ты нацепил на голову, Хесус?

– Это – лючо, разве не видишь? Их вязал еще мой дед, – старик снял шапочку и принялся вертеть ее в руках, поигрывая небольшим помпоном. – Изрядный мастер был. Вот такие, с зелеными наушниками – разбирали на сувениры. Его сын, мой отец, приторговывал ими в порту. Разлетались как

горячие пирожки. А папаша был парень не промах – всё на девок спускал. Да, молодец. Помер, правда, молодым – от сифилиса. Может, потому и я такой некрепкий получился. Да... Твой-то всё вспомнил?

Анхель довольно усмехнулся:

– Вспомнил. Вылепил маску, предки и нашептали.

– Прямо-таки, предки? Персонально? – недоверчиво прищурился Хесус.

– Ну, я вижу это именно таким образом. Возможно, существует более научное объяснение, – Анхель пожал плечами. – Но для меня главное не объяснение, а фактический результат.

– Добренько, – Хесус нацепил обратно шапочку на голову. – И где он пропал столько лет?

– Справедливости хотел. Революцию делал.

– Неудачно? – понимающе кивнул Хесус.

– Сам видишь.

– Жизнь устроена несправедливо. И это правильно. Каждый человек страдает. Это тоже правильно.

– Ну ты загнул, – Анхель недоверчиво покрутил головой.

– Слушай, человеку только и остается, что терпеть несправедливость и страдать. Именно так он и становится, учится быть настоящим человеком. Иногда ему не хватает терпения и доброты, и он сам начинает устанавливать справедливость. Тогда льется кровь и цепной реакцией распространяется еще больше страдания, а справедливости в жизни не

прибавляется, – старик сделал паузу и присосался к изогнутой трубочке, что другим кончиком тонула в чайничке с мате. Он глотнул, его сморщенное лицо немного расправилось в удовольствии. – Зачем происходят революции? Люди жаждут справедливости. Что приносят революции? Нескончаемый поток страдания. Это справедливо? Когда одни страдают из-за нетерпимости других?

– Я думаю, история рассудит. Но некоторые вещи невозможно отменить или замедлить. Они просто происходят.

– А сын как считает?

– Он уже давно перегорел, – закрыл тему Анхель, и махнул рукой – как отрубил.

– Вот и славно. Что он теперь подделывает?

– Говорит – с пустыней надо бороться, воду добывать. Начал делать какие-то туманоуловители из нейлоновых нитей. Рассказал, что в пустынях так воду собирают. Чуть ли не 20 литров в сутки с одной штуки выходит.

– Молодец. А ко мне Мария переезжает, – оживился Хесус. – Я так понял – насовсем.

– Внука?

– Ха! Правнучка! Что-то там с родителями разругалась, похоже, – вдрызг. Приехала ухаживать, дескать, за немощным. Хочет еще исследование писать о нашей керамике. Говорит – уникальная технология, больше так нигде уже не делают.

– Красивая?

– Керамика?

– Внучка!

– А то! Моя кровь! – Хесус расплылся в горделивой улыбке.

– Это удачно, – Анхель демонстративно потер ладони, – Я бы даже сказал – перспективно.

– Дай-ка мне листочек коки. Что-то весь свой запас изжевал.

– Бери. Будущему родственнику ничего не жалко!

– Не торопись, Анхель, не торопись, – Хесус окинул небо, – Будто бы дождь собирается?

– Хорошо бы. А если не пойдет – доставай свой шаманский бубен!

Шаг последний: покаяние.

Emendator asperrimus

Сцена 1

Атмосферу уютного ресторанчика портит только огромный лысый бармен за стойкой, с непроницаемым лицом полирующий стаканы. За столиком у окна двое: импозантный дородный мужчина в дорогом костюме и хрупкая светловолосая девушка в коротком летнем платье с диктофоном в руках.

Девушка:

– Вы так редко даете интервью...

Мужчина:

– Давайте угадаю ваш первый вопрос: «Почему я согласился?»

Девушка:

– Примерно так.

Мужчина:

– Хорошо, если я скажу, что просто вы мне понравились, вас устроит?

Девушка:

– Вы имеете в виду мою профессиональную деятельность, вы читали мои репортажи, колонки в газете?

Мужчина:

– Статьи действительно неплохие, я с ними ознакомился. Но причина не в этом. Нет, я говорю о внешности. Всегда приятно пообщаться с молодой красивой девушкой.

Девушка (пряча глаза):

– Вы вгоняете меня в краску.

Мужчина:

– И застенчивой.

Девушка:

– Не верьте. Это профессиональная мимикрия.

Мужчина:

– И остроумной.

Девушка (хлопая легонько ладонью по столу):

– Так, мы ушли от темы.

Мужчина:

– Мы ее толком и не обозначили.

Подходит официант и ставит на стол две большие чашки кофе, пузатый низенький фужер с коньяком и сразу уходит.

Мужчина (официанту):

– Да, спасибо.

Девушка (делает глоток из чашки):

– Замечательно. Как вам вот такой вариант: «Духовное становление личности в процессе творческой деятельности»?

Мужчина:

– Вы мою личность имеете в виду, или абстрактную?

Девушка:

– А бывают абстрактные личности? Вашу.

Мужчина (пожимая плечами):

– А с чего вы взяли, что в творческом процессе личность приобретает какие-либо духовные качества?

Девушка:

– Начнем хотя бы вот с чего. Могут ли быть вообще у личности духовные качества как таковые?

Мужчина:

– Вы просто чемпион в ответе вопросом на вопрос.

Девушка:

– А вы не задавайте вопросов. Это моя роль. Вы просто отвечайте.

Мужчина:

– Тогда скорее у духа или души, как вам больше нравится, может быть личность. Или не быть.

Девушка:

– А что такое – в вашем амбивалентном для каждого агностика представлении – есть душа?

Мужчина:

– Я сказал «душа»? Действительно, настоящий агностик не должен допускать таких формальных ляпов. Ну, пусть будет сознание. Устраивающий всех термин.

Девушка:

– Так каково взаимоотношение сознания, личностных качеств и творчества?

Мужчина:

– Самое прямое.

Девушка (улыбаясь уголками губ):

– И на том спасибо. А чуть детальнее, более обстоятельно?

Мужчина:

– Здесь довольно тонкий момент. Мы можем уйти в такие дебри, что ваши читатели нас не поймут.

Девушка:

– Поймут – не поймут... Да, почему вы не пьете свой коньяк?

Мужчина (залпом осушает фужер):

– Вот, выпил. Надеетесь меня разговорить, если я буду под мухой?

Девушка:

– А вы боитесь наговорить лишнего?

Мужчина (патетично):

– Милочка, мне 58, я уже ничего не боюсь.

Девушка:

– Как патетично!

Мужчина (высокопарно):

– Извините, но я уже привык говорить только правду, как бы глупо, высокопарно или мерзко она ни звучала.

Девушка:

– Мерзкая правда – это любимая пища нашей братии.

Мужчина:

– Вы тоже ожидаете чего-нибудь подобного от нашей беды?

Девушка:

– Не хотела бы афишировать свои намерения, но у нас же был предварительный договор: «правда, только правда, ничего кроме правды».

Мужчина (отмахиваясь):

– Ну, это лишь был протокол о намерениях. Хорошо, вот вам настоящая, серьезная, можно сказать фаустова сделка: вы согласитесь провести со мной ночь в моем загородном доме, а я отвечу честно на любые ваши вопросы.

Девушка (удивленно):

– Так уж любые?

Мужчина:

– Именно.

Девушка:

– Абсолютно честно?

Мужчина:

– Ну, насколько человек вообще в состоянии быть честным с другим человеком.

Девушка:

– Допустим, но что вы имеете в виду под «провести ночь»?

Мужчина:

– Ровно то, что сказал, никакой пошлости. Просто время с вечера до утра.

Девушка:

– Это будет шикарный материал. Вы оказываете мне большую услугу. Вы имеете какие-то свои резоны, или вам просто нравится делать добро?

Мужчина:

– Именно добро. Только этим я и занимаюсь последние двадцать пять лет.

Сцена 2.

Небольшой симпатичный загородный дом в престижном районе. Обстановка с претензией на оригинальность. Перед

камином в глубоких креслах – двое. Смотрят, как, набирая силу, танцует огонь.

Девушка (включает диктофон и ставит его на журнальный столик):

– Можем начинать?

Мужчина (хлопнув в ладоши):

– Да. Поехали.

Девушка:

– Почему вы стали писателем?

Мужчина:

– Из-за витальной жадности.

Девушка:

– Как это?

Мужчина:

– Писатель – человек, которому мало одной жизни. Он хочет прожить сразу тысячи.

Девушка:

– Выдуманнные жизни могут быть успешным заменителем настоящей?

Мужчина:

– Не столько заменителем, сколько обогащением. Ты заново рождаешься с первой строчкой нового творения и в процессе написания боишься смерти не из-за себя, а лишь по причине недоделанности работы. Проживаешь с произведением целую жизнь, даже если это небольшой рассказ. А

потом готов умереть, когда уже нечего добавить. Вот и целая жизнь. Потом очень странное ощущение испытываешь: возрождение на ровном месте. Казалось бы, физически и не умирал, но каким-то образом возродился и готов создавать что-то новое.

Девушка (удивленно):

– Могут ли читатели при прочтении ощутить нечто подобное?

Мужчина:

– Все эти интенсивные, чудесные, насыщенные невероятными событиями жизни вполне возможно обнаружить прямо за обложкой, если у человека достаточно собственной фантазии, эмпатии к персонажам и доверия автору. В том случае, конечно, если книги, в которых эти потенциальные жизни прячутся, не полный шлак.

Девушка:

– А вы пишете хорошие книги?

Мужчина (усмехнувшись):

– С места в карьер?

Девушка:

– Вы обещали!

Мужчина:

– Хорошо. Писать нужно так, чтобы читатель забывал дышать. Его удушье – лучшая награда. Ты сам диктуешь ритм. Вдох-выдох-выдох, пауза, вдох-выдох-выдох, ритм вальса. А потом обрыв – и падение в пропасть. Где уж тут дышать –

здесь только крик. Или иначе: затянуть, перекрутить, сжать грудную клетку – и лишь собственный пульс, сбивающийся в ритмию, напоминает ему о том, что пора возвращаться. Если меня так читают – да, я хороший писатель.

Девушка:

– В любом случае, у вас много поклонников.

Мужчина:

– Ну, это не показатель.

Девушка:

– Вы поэтому не проводите встречи с читателями?

Мужчина:

– О чем мне говорить с ними? Доброте словами не научишь, из глаз в глаза не передашь, что бы ни твердили религиозные проповедники. Мудрость уже в тысячах честных книг, созданных сотнями умнейших авторов. И если есть желание лучше узнать конкретного писателя – читайте внимательнее, он всегда проговаривается, и не обязательно неосознанно. А всё живое человеческое общение сводится к сплетням и слухам. Всё желание общаться – это лишь потребность поделиться никому не нужной информацией, и очередная обреченная на неудачу попытка потрафить своим амбициям, убедив собеседника, что ты умней и сообразительней, на худой конец – красноречивее.

Девушка (погрустнев):

– Так для чего люди встречаются?

Мужчина:

– Чтобы не пить в одиночестве – это считается упадничеством, а иногда и просто деградацией.

Девушка:

– Давайте выпьем. Чтобы у вас не было искушения начать деградировать в одиночестве. Вы ведь один живете?

Мужчина (разливая коньяк по стаканам):

– Аки перст. Прячусь от фанатов в затворничестве.

Девушка:

– Ну, вы и не поп-идол! Пока ещё. О, «Курвуазье»!

Мужчина (скромничая):

– Имею слабость к дорогим вещам. Стыдно, но приятно. Лимончик возьмите.

Девушка:

– Да, спасибо. Так я не сильно ошибусь, если предположу, исходя из вами же сказанного и написанного, что вы не очень высокого мнения о людях?

Мужчина:

– Чем лучше узнаешь людей, тем хуже мнение о каждом из них.

Девушка:

– Вы считаете, что хорошо знаете людей?

Мужчина:

– Очень хотелось бы выставить себя тонким психологом, великим исследователем человеческих душ, так сказать... но на самом деле мы не знаем других людей: в чужую голову залезть невозможно. В нас живут мифы о них. Какими мы их

себе представляем – мы сами придумали. Чем проще мы – тем проще мифы. И наоборот. У параноика: каждый – враждебный агент. У алкоголика: каждый такой же дурак, лентяй и пьяница. Ты допускаешь альтруизм – и в людях будешь видеть хорошие черты. Ты циник – и все вокруг эгоисты. Заметьте, при этом мир вокруг не меняется – всё происходит в твоей собственной голове.

Девушка:

– Всё это так мрачно... А как же что-то светлое: любовь, дружба?

Мужчина:

– Любовь – это ад. Самый счастливый ад в жизни. Ты с радостью сгораешь изнутри и мечтаешь, чтобы это продолжалось вечно. А дружба – только слово, используя которое, на человека пытаются навешать дополнительные обязательства.

Девушка:

– Вы не верите в дружбу?

Мужчина:

– У людей нет потребности в дружбе, есть лишь потребность в общении. Или, как я уже сказал, в собутыльнике. Нужно высказать всё, что тревожит и мучает, либо просто донимает, причем, неважно – кому. Друг – обычно, тот, кто просто реже отказывает, дольше слушает и увереннее держит банку, если позволите такой вульгаризм.

Девушка (убежденно):

– Просто вас, видимо, часто предавали и вы не можете простить. Или предавали вы – и не в силах попросить прощения. Только так и разрушается дружба. И со временем человек остается один.

Мужчина:

– Человек никогда ни в чем не раскаивается. Человек никогда ничего не прощает. На словах можно заявлять всё, что угодно, но внутри все мы непогрешимы и оправдаем любой свой поступок, но никогда не потрудимся оправдать чей-то неблагоприятный поступок в отношении нас. Все обиды мы постоянно помним. А простить – значит забыть. А помнить – значит когда-нибудь припомнить. Может, спяну, в сердцах, сторяча во время спора, но всё, что, казалось, простил и забыл – вспомнить и припомнить. Так что, тут я с вами соглашусь: человек рано или поздно остается один в компании только со своими обидами и проступками.

Девушка:

– В общем, нет на свете счастья. Я правильно поняла ваш посыл?

Мужчина (оживившись):

– Здесь как раз всё не так однозначно. Счастье не следует путать с эйфорией или любыми иными радостными чувствами по отношению к собственной жизни; оно не связано напрямую с приятными ощущениями, которые ограничены законами физиологии и долго не длятся. Нет, счастье, скорее, возникает вследствие эмоционально нейтрального, немного

отстраненного потока восприятия, которое расширяется, даже окрыляется только при отсутствии страдания, стресса или других негативных реакций.

Девушка (задумчиво):

– То есть эйфория, наоборот, может мешать счастью?

Мужчина:

– Да. Неизбежное осознание того, что радость, нега, услада рано или поздно закончатся, не дает полностью раствориться в мгновении бытия, что есть необходимый и чуть ли не единственный элемент счастья.

Девушка:

– Счастьем можно научить?

Мужчина:

– Я, конечно, предпринимаю попытки в своем творчестве достучаться до естества читателя, пробить традиционную снисходительно-пренебрежительную броню, которую нацепляет каждый, лишь только какой-либо умник начинает его учить, в частности именно преодолевать страдание, изменять способ восприятия, но... (*делает паузу и обреченно разводит руками*) о результатах здесь можно только догадываться.

Девушка:

– Ваши книги вызывают очень разнообразный спектр реакций от безоговорочного преклонения до жгучей, прямо-таки лютой ненависти.

Мужчина:

– Ну, всем не угодишь, в этом нет ничего необычного. Да автор и не должен пытаться подладиться под возможного читателя. Поверьте, он сам лучше знает, как ему писать.

Девушка:

– Вы поэтому отрицаете классические формы, жанровые ограничения, законы драматургии?

Мужчина (убежденно):

– Отрицаю. Развитие характеров – наивное заблуждение. Это устаревшая концепция: дескать, если герой совершит поступок, или с ним случится трагедия, то этот персонаж изменится. Ни черта не изменится. Останется таким же, как и был. Ну, будет посмеиваться над новым приобретенным опытом, друзьям там рассказывать за бутылочкой пива. Может, иногда задумается... На какой-то момент, возможно, у него даже появится иллюзия, что он уже не такой, как прежде. Но стоит только хорошо проспать: и всё – снова чистенький, здоровенький, и жизнь пошла по-старому.

Девушка:

– Неужели человек не способен меняться? Он же познает мир...

Мужчина:

– Когда мы получаем новую информацию, вместо того, чтобы спокойно обрабатывать её, мы лихорадочно вспоминаем, как солдат Швейк, схожие случаи из жизненного опыта или соответствующие данной ситуации расхожие сентенции, основанные на предрассудках; в общем, ищем совпаде-

ния между внешними данными и внутренними. Если находим, принимаем информацию как истинную, если нет – отбрасываем. О каком познании тогда может идти речь, когда мы только ищем доказательства, что всё уже познали, поняли и пережили. И если только опыт совсем уж экстремальный, тогда возможно какое-то осязаемое воздействие внешнего мира на косную материю человеческого существа.

Девушка:

– И вы сами не меняетесь?

Мужчина (морщась):

– У меня был один случай в жизни, который сильно изменил меня, можно сказать – определил всю мою дальнейшую судьбу.

Девушка:

– Расскажите!

Мужчина:

– Может, позже. До утра еще далеко. А до нужного градуса далече.

Девушка:

– Тогда можно ещё выпить. Не подумайте, что я увлекаюсь. Всё ради успешного выполнения работы!

Мужчина (щедро разливая коньяк):

– Я знал, на что иду. И куда только подевалась вся моя разумность и умеренность?

Девушка:

– Отменена вследствие вашей же «фаустовой сделки».

Мужчина:

– Так и говорю: сам виноват.

Далеко за полночь. Бутылка опустела. Мужчина заварил кофе и достал коробку сигар.

Девушка:

– Вы обещали рассказать случай из жизни.

Мужчина:

– Это очень неприятный опыт. Может не будем?

Девушка:

– Бойтесь?

Мужчина (задумчиво):

– Timor est emendator asperrimus.

Девушка:

– Знаете, я не сильна в латыни.

Мужчина:

– Страх – суровейший исправитель. Так учили древние. Хотелось бы верить, что они правы.

Девушка:

– Так что с вашей историей?

Мужчина:

– Она как раз о страхе. Вы когда-нибудь испытывали такой страх, который как червь-паразит оплетает ребра, сдавливая и не давая дышать? Только с возрастом я понял, что страх един во множестве ощущений, своих разных личин. Он в

одиночку поселяет в душе постоянную, неизбывную тревожность, провоцирует стрессы, неуверенность, порождает фобии. Все они – суть проявления его. Он как полип, прицепившийся к жизни и высасывающий энергию капля за каплей. Он формирует эго. Он направляет амбиции. Он бросает к отвлекающим от него удовольствиям, навязывает одуряющие развлечения, мешает трезво думать и принимать правильные решения...

Девушка (прерывая монолог, который начинает казаться ей нескончаемым):

– Вы трус?

Мужчина:

– Да вам, барышня, в хирурги надо было идти. Режете по живому вы в совершенстве. Да, я трус.

Девушка:

– Вы же говорили, что ничего не боитесь.

Мужчина:

– Сейчас – нет. Но один раз в жизни испугался. И этого оказалось достаточно, чтобы всю жизнь считать себя трусом.

Девушка:

– Это было давно?

Мужчина с кряхтеньем поднимается, достает новую бутылку из бара, наливает себе полный стакан, сразу делает изрядный глоток и медленно ходит по комнате, затем останавливается у камина.

Мужчина:

– 25 лет назад. Ночью я шел по улице и услышал крик. Зашел в подворотню и увидел, что трепыхающуюся женщину затаскивают в кусты. Их было трое. Я подбежал к ним, захотел остановить. Один достал нож. До сих пор помню, как это кривое лезвие поблескивало в лунном свете. Я посмотрел ему в глаза и понял – ударит. И я словно почувствовал, как клинок входит мне под ребра, ощутил это ледяное и неотвратимое внутри. Я замер, в голове помутилось. Он смотрел на меня, я смотрел на нож. Потом я развернулся и ушел.

Девушка:

– Какой ужас! Вы сожалеете о том, что так поступили?

Мужчина:

– Не проходит и дня, чтобы я себя не проклинал за трусость.

Девушка:

– Но ведь вы бы ее не спасли. Просто вас бы убили, и всё!

Мужчина (ожесточенно):

– Ну и что? Я обязан был попытаться. Если бы умер – значит такая планида.

Девушка:

– А что произошло с женщиной – вы не знаете?

Мужчина:

– Узнал, что ее оставили в живых. На следующий день я обошел больницы, морги, навел справки в полиции: не было

ни убитых, ни пропавших. И...

Девушка:

– И?

Мужчина:

– Одно заявление об изнасиловании. Мне пришлось заплатить следователю, чтобы узнать ее адрес. Я нашел эту улочку на окраине. Подкараулил женщину. Увидел ее с синяками и ссадинами на лице. Но лицо ее узнал. Хотел к ней подойти, но не смог.

Девушка:

– И больше ее не видели?

Мужчина (глухо):

– Видел...

Девушка:

– Когда?

Мужчина:

– Через полгода, чуть больше. Она выходила из церкви святого Доминика. Живот был хорошо заметен.

Девушка:

– Господи, неужели...

Мужчина:

– Не знаю. Может быть.

Девушка:

– И она не сделала аборт?

Мужчина:

– Если сильно верующая – не стала бы.

Девушка (задумчиво):

– Церковь святого Доминика. У них же приют...

Мужчина:

– Вы так побледнели.

Девушка:

– Ничего. Не жалеете, что рассказали?

Мужчина:

– Нельзя жалеть о том, что был искренним. Сожаление – моральная оценка. А искренность – это внутренняя правда; правда – проекция истины. А истина вне категорий морали. Мораль начинается там, где появляется ложь. Кроме того, мне надо было выговориться. Я никогда никому это не рассказывал. Всю жизнь чувствовал свою вину. Я думал, если начну писать добрые, светлые книги, то хоть как-то оправдаю свое дальнейшее существование. Но теперь понимаю – я должен был умереть там, на этом ноже.

Девушка:

– Не говорите так. Вы очень нужны.

Мужчина:

– Кому?

Девушка:

– Тому, кто вас любит.

Первые лучи солнца пробиваются сквозь прореху в плотных гардинах и падают на диктофон, лежащий на столе, который окончательно разрядился к этому времени, поми-

гал на прощание и погас.

Сцена 3.

Скучно обставленная квартира. Двое в комнате. Знакомая девушка в ветровке и худощавый парень в домашней поношенной одежде. Уже почти темно, но свет не зажжён.

Девушка стоит в центре комнаты. Парень полулежит на узком диване, не смотрит на девушку, он явно напряжён, но пытается придать голосу и позе некоторую расслабленность и даже развязность.

Парень:

– Не успела домой вернуться и снова куда-то намылилась?

Девушка не отвечает.

Парень:

– Ну как? Успешно провела ночь «только по работе»?

Девушка (негромко):

– Вполне.

Парень:

– Так удачно, что ещё задержалась на двое суток?

Девушка:

– Да, мне там понравилось.

Парень:

– Замечательно. Ничего не хочешь сказать ещё?

Девушка (повысив голос):

– Я ухожу от тебя.

Парень (вскакивает на ноги):

– Ты уходишь к нему, этому писателю?

Девушка:

– Да.

Парень (голос срывается на почти мальчишеский вскрик):

– К этому старику?

Девушка (ровным голосом):

– Я люблю его. Я нужна ему. Прости.

Она быстро кидает вещи в большую сумку с длинным широким ремнем и сразу уходит, больше ничего не говоря. Парень не пытается её удержать, не бежит следом.

Хлопает дверь.

Он кричит. Он мечется из стороны в сторону, бьет кулаком по стене. Давит истеричный, какой-то детский вскрик. Тут он видит диктофон, поставленный на подзарядку и забытый на столе. Включает. Слушает. Решается. Идет на кухню.

Сцена 4.

Церковный приют. В келье совсем темно. Лишь свет одинокой свечи делает едва видимым лицо молодой девушки с большой сумкой на перевес. Девушка подходит вплотную к кровати, на которой сидит старая женщина в монашеской

робе.

Девушка:

– Матушка, вы много сделали для меня. Я вам безмерно благодарна. Но я вынуждена умолять вас. Скажите, кто моя мать. Я должна ее найти.

Монахиня (испуганно вскинув руки):

– Милая, но, почему – сейчас?

Девушка:

– Это очень важно. Она жива?

Монахиня:

– Да, она жива.

Девушка (становится на колени):

– Дайте мне адрес. Вот, я стою на коленях. Пожалуйста!

Монахиня (кладет ладони ей на плечи):

– Встань, доченька. Хорошо. Но она, может, не захочет тебя видеть.

Девушка (пружинисто вскакивает на ноги):

– Это неважно, мне нужно поговорить с ней!

Монахиня:

– Ладно, записывай.

Сцена 5.

Старый покосившийся дом на окраине. Звонок. Дверь открывается почти без задержки. За ней женщина с измож-

денным лицом.

Девушка (напористо проходит в дом):

– Здравствуй, мама, ты не выглядишь удивленной.

Женщина:

– Меня предупредили. Какая ты красивая. Не обращай внимания за слезы.

Девушка:

– Извини, нет времени на сантименты. Мне нужно знать только одно. Почему ты отказалась от меня?

Женщина (садится на краешек продавленного дивана и прячет лицо в ладони):

– Ты бы каждый день мне напоминала об этом... об этом ужасе. Я бы не вынесла. Прости.

Сцена 6.

Поздний вечер. Пустынная улица. Двое мужчин, один нагоняет другого.

Парень:

– Эй, писатель!

Мужчина (оборачивается):

– Что, простите?

Парень:

– Вот твой нож.

V.V.

2012, 2015, 2017